

Кострюк (5)

Как задумал Грозный-от царь
Иван Васильевич женитисе,
Женитисе да обручатисе
Не в камяной Москвы,
Да не в святой Руси,
Не на святой Руси,
Да в проклятой Литвы в поганя —
У Кострюка-Небрюка молодого
На той жо на родной сестры
На Марьи Небрюковны.
Да просил он приданого
Полтора ста просил улановой,
Триста просил татаровой,
Петсот просил донских казаков,
Удалых добрых молодых;
Три телеги просил он красна золота,
Три телеги просил он чиста серебра,
Да три телеги просил меди все козарочки,
Три телеги просил он скатна дорогого, мелка жемчуга.
Давал-то он полтора ста улановой,
Триста давал татаровой,
Петсот давал донских казаков,
Удалых добрых молодых;
Да три телеги давал он красна золота,
Три телеги давал он чиста серебра,
Три телеги давал он меди-козарочки,
Три телеги скатна жемчуга.
Как задумал наш Грозныйя царь
Иван Васильевич ехати
В прокляту орду поганую,
Да в поганую Литву, Литву женитисе
На той же на Марьи Небрюковны.
Да как начал он збиратисе,
Собрунятисе да отправлятисе
В ту жа в прокляту Литву в поганую.

Он здравосцал¹ да грезі чёрныя,
Он здравосцал да лесы тёмныя,
Он здравосцал да речкі быстрыя,
Он здравосцал да в прокляту́ Литву.
Приежаёт к Дюку Кострюку на широкой двор;
Как стречаёт Дюк Кострюк-от,
Да стречаете молодья́ Грозного царя,
Да ведёт он в свои светлы свѣтлицы
Да во столовы новы горьници;
А садил-то Грозна царя да за дубовы́ столы,
За дубовы́ столы, за скатерти браныя,
А за ти же за ествы сахарныя.
Как вси сидят и пьют, едят и хвастают;
Грозны́я царь Иван Васильевич
Сидит не пьёт, не ест, ничем не хвастаёт.
Кострюк Небрюк по полаты похаживат,
С ножки на ножку переступыват,
Жолты́ма кудрями принатряхиват,
Златы́ма-ти перснями принашшалкиват.
Сам он говорит да таковы речи, да таковы слова:
«Как вси у меня-то на пиру сидят, пьют, едят,
И вси у меня да хвастают;
Как приезжей-от гость сидит
Не пьёт, не ест, не кушаёт,
Нечём он у меня не хвастаёт.
Уж я разе тебя местом обсадил,
Или винной чарой тебя обнесли,
Мои ествы тебе не по́ души,
Не по́ души, не по разуму,
Эли князи мои, бьяра
Над тобою посьмехаютьце?» —
«Уж ты вой еси, Небрюк Кострюк молодья!
Питья, ествы мне-ка по разуму,
Винной меня чарой не обнесли,
И нехто́ надо мной не посьмехайтьце.
Да как я к тебе приехал
Не пить, не есть, не кушати —
Ты дай же мне нарчьоноё, посулёноё».
Чечас Кострюк Небрюк

Писал триста татаровей,
Полтора ста писал улановей,
Петсот писал донских казаков,
Удалых добрых молодцов.
А насыпал он три телёги красна золота,
Насыпал он телёги чиста сѣребра,
Три телёги он меди всё козарочки,
Три телёги скатна мелка жемчуга.
Да как начал Грозной царь Иван Васильевич
Сряжатисе, отправлятисе
На ту жа на съвятую Русь, в камяннѹ Москву.
Как поехал наш Грозной царь Иван Васильевич;
Он здраво проехал грезии чѣрныя,
Он здраво проехал леси тѣмныя,
Он проехал речки быстрыя;
Он здраво приехал во матушку да в камяннѹ Москву
Со тою со Марьей Небрюковной.
Тут пошел у их чесѣн пир навѣсели.
Вси тут пьют, едят, хвастают;
Как любимой-от ёго шурина сидит,
Не пьѣт, не ест, не кушает
И ничим сидит не хвастает;
Он повесил голову с могучих плеч,
Он потѹпил очи в сѣреду кирпичную.
Говорил тут Грозный царь Иван Васильевич:
«Шьто же ты, любимой шурина, не кушаешь?
Эли место тебе не по вотчины,
Питья, ествы тебе разе не по разуму?» —
«Место-то мне-ка по вотчины,
Питья, ествы по разуму, по души;
Винной-то чарой меня не обнесли,
Нехто надо мной не посъмехайтьце,
Не князи, не бояра.
Я у тя спрошу: есь ли у вас в камянной Москвы
Таковы борьци, таковы борьчи,
Удалы добры молодцы?»
Да как брал-то тут Грозный царь Иван Васильевич
Золоту трубу розрывчату,
Выходил он на крылечко косивчато,

Кричал-то он в золоту трубу:
«Ише есь ли у нас в камянной́ Москвы таковы борьци?»
Услыхал тут из того ряду́,
Из того ряду́ кожéвенна,
Умлыхал тут Потанюшко Хроменькой;
Хроменькой, сам тоненькой,
По животу он пережимистой,
На праву́ ногу подпадывает,
На леву́ подковыриват,
Костыльком он помахиват,
К царському дворцю подвигаитьце.
Увидал тут Кострюк Небрюк:
«Это чорт идёт, не бóровшшик²,
Водяной идёт, не распотешильшик!»
Он скачёт через вси столы дубовыя,
Через есты сахарныя,
Да бежал-то он да на новы́ сени,
Да на красно крыльцё да на широкой двор.
Как гóворит тут Потанюшко Хроменькой,
Хроменькой да сам тоненькой:
«Уж ты гой еси, Грозныя царь Иван Васильевич!
Мы положим промеж собой заповедь великую:
Неровно́ которой которого бросит,
Руку, ногу сломит,
Хребетну ли кость повыломит,
Из платья ли повылупит»³.
Смотрит тут Грозныя царь
Иван Васильевич с Красна́ крыльця.
Как начели Кострюк Небрюк боротисе
С Потанюшкой Хроменьким,
С Хроменьким с им, с тоненьким,
Как начели боротисе, водитисе,
Как Потанюшко Хроменькой,
Хроменькой, сам тоненькой,
По животу пережимистой
На праву́ ножку подпадывал,
На леву́ подковыривал,
Костыльком он помахивал,
Как метал тут Кострюка Небрюка

На матушку сыру́ землю,
Он ведь его из платья повылупил,
Хребётну кость повыставил.
Да скакал Кострюк Небрюк да на резвы́ ноги,
Побежал да по широку́ двору,
Захватил черну́ в праву́ руку,
Побежал, где-ка собаки шшеня́тяться,
Где-ка сви́ньи-ти приносятся,
Где-ка кошки люшя́тяться.
Говорит тут Марья Небрюковна:
«Это чорт, не бóрошьство,
Водяной, не распотешельсьтво!»[4](#)

*(Записана А. В. Марковым в 1898 г. в с. Зимняя Золотица от Крюкова.
«Беломорские былины» № 85, стр. 459-463)*

Эту старину Крюков пел речитативом, останавливаясь после каждого 4-7 мистишия. (Марков).

1 По объяснению Крюкова — проехал.

2 Боротьсе.

3 Под суд не отдавать.

4 «Тебе како́ дело?» — царь-то говорит. Тут и всим смешно́ пало.

В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI-XVII вв., Петроград, 1915.